

Анна Джейн

#НЕНАВИСТЬ ЛЮБОВЬ

Ненависть как пустота.
Бесконечная. Холодная. Вечная

АННА ДЖЕЙН

#НЕНАВИСТЬ ЛЮБОВЬ

КНИГА ВТОРАЯ

CLEVER
•ИЗДАТЕЛЬСТВО•

*Юлии Жданович, которая была с этой историей
от самого начала и до конца*

**НЕНАВИСТЬ
КАК ПУСТОТА**

ПРОЛОГ

В НОЧНОМ КЛУБЕ БЫЛО многолюдно, шумно и весело. На подсвеченной неонов сцене извивались красивые девушки в откровенных нарядах. Разноцветные лучи били по телам танцующих, световые импульсы вспыхивали над их головами и растворялись, словно гаснущие звезды, а музыка звучала так громко, что басы заставляли вибрировать легкие. Стоящий за пультом известный диджей умело задавал ритм и заводил толпу.

Приглашение на эту вечеринку получили лишь избранные — по френд-листу или по клубной карте. Простым же смертным вход в это считавшееся элитарным место был запрещен. Топовая площадка со строжайшим фейсконтролем — не место для обычного человека. Здесь собирались сливки общества: золотая молодежь, известные актеры и музыканты, политики и бизнесмены, готовые оставить в заведении круглую сумму.

Сегодня в клубе праздновался день рождения одного из тех, кто всегда беспрепятственно мог в него попасть. Вечеринка восхищала масштабами и шоу-программой. «Премиум и драйв» — таким был девиз клуба. Однако тот, в честь кого был праздник, во всеобщем веселье не участвовал. С бокалом виски в руках он стоял в ВИП-ложе на втором уровне и смотрел оттуда вниз на беснующихся на танцполе. На его лице, которое в мягком холодном свете казалось бледнее обычного, не было даже улыбки. Он казался равнодушным, только во взгляде прочитывалась то ли обида, то ли разочарование, то ли усталость.

— Эй, Влад, ты все еще тут тусишь? — ворвался в ложу один из его друзей, тяжело дышащий после танцпола. Глаза у него были совершенно пьяные, хотя алкоголем от молодого человека не пахло. — Пойдем вниз, оторвемся!

— Не хочу, — ответил Влад и сделал глоток виски.

— Ты все еще ждешь ее? Хватит! — нахмурился его друг. — Иди и сними тут какую-нибудь девчонку. Ты же знаешь — любая будет твоей. Моментально.

— Не хочу.

— Чувак, что она с тобой сделала? Ты поехал крышей, да? Раньше ведь был нормальным. А стоило тебе встретить эту стерву, как...

Договорить парень не успел — его перебили.

— Ты не мог бы свалить? — положил ему на плечо руку Влад. — Иди, веселись, разводи девок. А меня оставь в покое.

Взгляд его был таким тяжелым, что друг просто махнул рукой и действительно ушел, слегка покачиваясь. А Влад сел на диван, обитый мягкой белой кожей, закурил и взял в руки телефон. На своем дне рождения он чувствовал себя абсолютно чужим.

На этот раз она все же ответила ему — не прошло и десяти длинных гудков.

— Привет, — услышал он ее голос, и сердце почему-то сжалось.

— Привет, — тихо сказал Влад. — Где ты?

— Я уехала вчера. Прости, что не отвечала: не слышала звонков.

— Ты не думала, что я волнуюсь? — отстраненным голосом поинтересовался Влад.

— Прости, — повторила девушка. — Но мы же с тобой договаривались, что не станем контролировать друг друга. Я — тебя. Ты — меня.

Теперь в ее голосе звучала мягкая укоризна.

— Верно. — Влад выдохнул дым. — Не обижайся, малыш, но я волнуюсь.

— Со мной все хорошо, и... — Девушка замолчала, словно не решаясь что-то сказать.

— И?..

— Давай расстанемся, — вдруг сказала она.

Влада словно толкнули в грудь — с такой силой, что у него перехватило дыхание. Он даже ответить не мог.

— Влад? — осторожно переспросила девушка после долгой томительной паузы. — Ты меня слышал?

— У меня сегодня день рождения, — невпопад сказал парень и залпом выпил стакан виски.

— Прости, прости, пожалуйста, — тихо проговорила девушка. — Я забыла... Боже, как неловко.

Он ухмыльнулся. Просто неловко, серьезно?

— Ты умеешь делать подарки, малыш, — с неожиданным весельем в голосе сказал Влад. Сердце в груди билось как сумасшедшее. Как будто бы он не сидел на диване, а танцевал вместе со всеми этими идиотами, которые сегодня сюда притащились.

— Правда, прости меня, — прошептала девушка. — Я совершенно забыла. Господи, я дура.

— Его день рождения ты не забываешь, малыш, — с горечью отметил Влад. — Ты ведь к нему поехала, да?

— Влад...

— Я знаю, что к нему.

— Прости... Не знаю, что еще сказать. Ты хороший человек и...

Он снова ее перебил:

— И ты бросаешь хорошего человека в день его рождения, — усмехнулся Влад. — Знаешь, получается, что «хороший человек» — это новое оскорбление.

— Вовсе нет! — воскликнула девушка.

— Забавно, что в итоге я не смог стать похожим на него и ты меня кинула. — Виски обжигало горло.

— Влад, не говори так. Я чувствую себя настоящей мразью. Пожалуйста, прости...

Дослушивать ее Влад не стал: на него накатила внезапная волна ярости. Он кинул телефон в стекло, отделяющее его от веселящегося танцпола. Стекло было противоударным и выдержало, а вот дорогой телефон разбился. Следующими — уже в стену — полетели бутылка виски и бокалы. Ненависть, обида и боль ослепили Влада. Он на несколько мгновений перестал себя контролировать. И в душе полыхало только одно желание — отомстить.

Заглянувший на шум охранник ничего предпринимать не стал: у молодого хозяина был скверный нрав, и время от времени случались подобные припадки бешенства.

Волна ярости откатила, и Влад моментально успокоился. Он опустился прямо на пол и прикрыл глаза, все еще надеясь, что разговор с той, которую он любил, — шутка. Сон. Иллюзия. Но чем больше времени проходило, тем сильнее он осознавал, что это горькая, как виски, реальность. Почти каждый день его рождения не задавался.

Он родился четвертого июня. В этот же день спустя несколько лет умерла его мать. Через год четвертого июня его забрали в семью отца. А там жизнь никогда не была сахарной, мачеха и братья заботились об этом. Когда показалось, что жизнь налаживается и у Влада появились друзья, четвертого июня ему объявили, что он отправится учиться в Лондон. Сделали подарок. Когда он вернулся — ирония судьбы, не иначе, — то через сутки после дня рождения обнаружилось, что от передоза едва не погиб его лучший друг. Неудивительно, что любимая девушка бросила его в день рождения.

Влад хрипло рассмеялся. В ложу вновь заглянул охранник:

— Извините за беспокойство, Влад Борисович. Ваш старший брат приехал. Хочет вас лично поздравить.

— Какого... — нахмурился Влад, поднимаясь на ноги. Старший брат, Алексей, всегда был к нему равнодушен. И если в детстве задира, то начиная с подросткового возраста просто перестал замечать.

Алексей появился в ВИП-ложе спустя десять минут. Проворные официантки за это время успели убрать все осколки и разлитый виски. Влад, натянув на лицо маску равнодушия, хотя в груди у него все еще кипел холодный огонь, сидел на диване и встретил брата с зажженной сигаретой в руке.

Старший брат был копией отца: такой же высокий, с тяжелыми плечами и вечно нахмуренными бровями. Он подошел к Владу так стремительно, что тот и слова сказать не успел. Подхватил за ворот рубашки, поднял и ударил по лицу. Больно. Обидно. А у Алексея — холодная расчетливая ненависть в глазах.

— За что? — только и спросил Влад, чувствуя во рту железный привкус крови.

— Как ты это сделал, сопляк? — спросил Алексей. — Как. Ты. Это. Сделал? — И снова ударил младшего брата. Так, что тот отлетел на пол.

Влад никогда не сопротивлялся им. Не мог. Не имел права. Они вбили это в его голову с детства. *Он ни на что не имеет права.*

— Что? — сплевывая кровь, хрипло спросил ошарашенный Влад. — Ты... о чем?

— О завещании отца, — присел на корточки Алексей и схватил Влада за волосы. — Хочешь сказать, не знал, что отец включил тебя в завещание? Что оставляет тебе половину всего, что у него есть? Отвечай, щенок.

— Я не знал, — замотал тот головой. — Не знал. Впервые слышу!

— Так я тебе и поверил, — прорычал Алексей. — Я сделаю все, чтобы тебя не было в завещании. Понял? Тебе ничего не достанется, щенок. Ты — никто. Влез в нашу семью вместе со своей мамашей. И хочешь получить наши деньги? Пошел ты.

Еще один удар и еще — и Влад, закашлявшись, согнулся на полу. Из-за разбитой губы вкус крови сделался невыносимым.

— Это первое и последнее предупреждение, — тихо сказал Алексей. — Ты ничего не получишь.

— Пошел ты... — отозвался Влад.

— Поздравляю с днем рождения, братишка.

Алексей в последний раз ударил Влада — ногой по ребрам. И ушел, громко хлопнув дверью.

А спустя несколько дней Влад едва не убил человека. Да и сам чувствовал себя мертвым.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Любовь как проклятие

ОНА ВСЕГДА БЫЛА РЯДОМ. И я всегда хотел, чтобы она была моей. Я помнил ее столько же, сколько и себя. Маленькая, кудрявая, смелая, истошно вопящая и с вечными синяками на коленках. С зелеными глазами и аккуратным носиком. Дарья Сергеева была моей главной проблемой с самого детства.

Все началось с того, что я решил на ней жениться, а она не хотела со мной даже играть — общество девочек нравилось ей куда больше. Это здорово бесило. И чтобы привлечь ее внимание, я шел на многое. Воровал ее игрушки, кидался песком, ставил подножки, придумывал обидные прозвища. Даже задирали ей юбку — было дело. От отца, правда, потом влетело, и юбку пришлось оставить в покое. А когда один тип во дворе решил задрать юбки Дашке и ее подружке, я так отходил его песочной лопаткой, что от отца мне потом снова досталось.

Но сколько бы я ни пытался заставить ее обратить на меня внимание, ничего не получалось. Выходить за меня замуж Сергеева точно не собиралась. И видела во мне какого-то идиота. А это здорово обижало. Я ведь, черт побери, старался! Чем больше она отталкивала меня, тем больше я хотел быть с ней рядом. Была бы моя воля — велел бы ей общаться только со мной. И поселил бы ее в своей комнате, уступив кровать.

— Пусть Дашка переедет к нам, — попросил я однажды мать.

— Зачем? — задала она логичный вопрос.

— Чтобы всегда была рядом со мной. Как ты рядом с папой, — просто ответил я.

Мать тогда только смеялась и называла меня «маленьким собственником», а я не понимал, в чем дело, и злился.

Однажды во время сончаса в детском саду Дашка захотела, чтобы ее поцеловал какой-то пацан. Помню, я успел оттолкнуть его и подставил ногу — так, что Сергеева поцеловала пятку. Она так орала, что я едва не покатился по полу от смеха. Но в итоге она отомстила. Засунула за унитаз мою шапку. А я не смог промолчать.

Что бы я ни делал, она всегда давала отпор. И это мне тоже всегда нравилось в Дашке. Она не хныкала, не жаловалась и не ныла. Просто отвечала мне тем же. Могла обозвать, ударить, придумать пакость. А я радовался — теперь Сергеева не забывала обо мне. Я был уверен — такое общение ей нравится не меньше, чем мне.

Наше соперничество стало делом чести. Мы не оставляли друг друга в покое даже на день. Однако иногда все-таки заключали негласное перемирие — вместе играли, смотрели мультики, порой даже вместе засыпали на одной кровати, что умиляло взрослых. Мы стали заклятыми друзьями. И я здорово ревновал ее ко всем.

Когда у нас был выпускной в подготовительной группе, воспитательница предложила Дашке выбрать мальчика для парного танца: или меня, или другого пацана. «Матвеев тупой, с ним танцевать не буду!» — заявила она и стала улыбаться другому. Меня это так задело, что я в итоге поставил ей подножку. Неудачно. Весь выпускной Сергеева просидела на стульчике, глядя на меня с ненавистью. А что я? Я только язык ей в ответ показывал. Не надо было отказываться!

После детского сада мы попали в одну школу и в один класс. К моему восторгу нас даже посадили вместе.

И я был так рад, что не мог оставить Дашку в покое. Сейчас я понимаю, что вел себя как последний кретин, но я действительно не мог перестать приставать к Сергеевой. Это было не развлечением, как кто-то может подумать, а моим способом доказать ей свои чувства. Она должна была думать обо мне столько же, сколько думал о ней я. И потому не давал ей проходить.

Она должна была быть моей. Но почему-то очень плохо понимала это. А мне просто не хватало мозгов, чтобы нормально ей все объяснить. Да и какой смысл был объяснять?

Дашка называла меня Клоуном, а я ее — Пипеткой. Только мое прозвище не прижилось, а ее — вполне. Из-за этого она ужасно злилась, а я радовался. Радовался каждый раз, когда удавалось задеть ее и вызвать у нее эмоции. Я не хотел быть для нее пустым местом. Я хотел стать для нее самым важным человеком в мире. Даже писал для нее стихи. Корявые, без ритма и рифмы, но именно в них — и только в них — я мог выразить свои чувства.

Однажды из-за меня Дашка порезала руку. Кажется, мы не поделили конфеты. Наверное, нам было лет по тринадцать, мы подрались, как часто делали это прежде, и только тогда я впервые понял, что она все же девчонка. Слабая, нежная, относительно беззащитная — тонкие руки, тонкие ноги, ни намека на мускулы. Зато у нее большие зеленые глаза и губы бантиком, на которые я, как идиот, часто пялился.

На руке у нее появилась кровь, и я чертовски испугался, что обидел ее, сделал больно. Я сам чуть не заплакал. Наложил ей повязку, то и дело спрашивая, как она. И впервые почувствовал, как быстрее бьется сердце, когда мои пальцы касаются ее нежной кожи.

Потом это стало привычным делом. Сергеева и учащенный пульс — синонимы. Не могу реагировать

на нее иначе. Ее присутствие рядом всегда сводит с ума, кружит голову. Заставляет думать только о ней. И эти мысли не всегда приличны. Вернее, почти всегда неприличны.

В тот раз она не выдала меня, и тогда-то я точно понял, что люблю ее.

Говорят, что любовь — прекрасное чувство. Когда она приходит, радостно поет стая крылатых младенцев, взрываются идиотские фейерверки и в нос бьет острый запах ванили. Но у меня было иначе. Закинув руки за голову, я лежал на кровати, смотрел в окно, и в голове сама собой появилась простая мысль: «Я ее люблю».

Я ее люблю. С этими мыслями долгое время я просыпался и засыпал. Я ее хотел. Это проклятое чувство не отпускало меня. Я никому о нем не говорил. Всё держал в себе. Боялся, что засмеют, осудят, выставят идиотом. В первую очередь — она. На остальных мне было плевать, но мнение Дашки всегда было для меня важным. Подросткам стыдно любить — до определенного возраста. Стыдно признаваться в зависимости от кого-то. Того, кто терпеть тебя не может.

Я молчал и делал то же, что и всегда, — обращал на себя ее внимание. Единственным способом выразить свои чувства стали «валентинки», которые я тайно присылал Дашке на четырнадцатое февраля, меняя почерк. А потом ошивался рядом, подслушивая ее разговоры с подружками. Она не догадывалась, что «валентинки» — от меня. А я радовался.

Помню, как от ее подружки Ленки я узнал о том, что ей нравится пацан, играющий на скрипке. Имя уже забыл, но вот фамилия до сих пор сохранилась в голове — Альтман. Он был из тех, кого хвалят учителя, но сверстники не берут в команды по футболу или баскетболу на физре. Худой, слабый, трусливый, со скрипкой наперевес — я не понимал, что Сергеева